

ТАТЬЯНА МИХАИЛОВНА ПЕНСКАЯ

*кандидат исторических наук, доцент
(Белгород),*

*доцент кафедры отечественной истории и политологии
Белгородского государственного университета*

ТЕРМИН «ЦАРЬ» В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

К настоящему времени ни для кого не является секретом, что мир средневекового человека был наполнен глубоким символизмом. Как отмечал Ю.М. Лотман, «средневековое общество было обществом высокой знаковости – отделения реальной сущности явлений от их знаковой сущности лежало в основе его мирозерцания»¹. Все вещи и объекты реального мира мыслились как символы чего-то, что соответствовало ему в более высоком, ирреальном, «горнем» мире. Средневековый «символизм был универсален, – писал Ж. Ле Гофф, – мыслить означало вечно открывать скрытые значения, непрерывно "священнодействовать"»².

И поскольку Священное Писание было высшим авторитетом для средневекового книжника и в нем было сказано, что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога, и без Него ничто не начало быть»³, следовательно, слово было не просто набором звуков, а символом, и постижение сущности вещи заключалось в правильном ее названии⁴. «Назвать вещь уже значило ее объяснить», – отмечал Ж. Ле Гофф⁵.

Естественно, что глубокий символизм, заключенный в слове, неизбежно сказывался и на развитии международных отношений в эпоху Средневековья. Для нас, людей рациональных, мыслящих конкретно, на первый взгляд, представляются нелепыми споры из-за титулатуры, места в церемонии и ритуале и т.д., и т.п., что так присуще средневековому обществу. Между тем малейшее отступление от того же самого титула означало нарушение освященной самим Богом иерархии, миропорядка и в конечном счете могло привести к крушению всего Космоса. «Поскольку реальность личности определялась ее отношением к той структуре, знаком которой она была, то это был спор о собственной реальности. Потерять место – означало перестать существовать», – писал по этому случаю Ю.М. Лотман⁶.

В этой связи возникает вопрос об использовании средневековыми русскими книжниками термина «царь» и его значения. Общепринятым является мнение, что средневековые русские книжники использовали этот термин применительно к трем правителям – византийскому василевсу, германскому императору и хану Золотой Орды⁷. Такая точка зрения устоялась и не подвергается сомнению. Однако при более внимательном рассмотрении и изучении этой проблемы возникает целый ряд вопросов, дать ответы на которые в рамках традиционного толкования сущности термина «царь» в представлении средневековых русских книжников не представляется возможным.

Мы не случайно сделали столь большое вступление к этой небольшой работе, поскольку, на наш взгляд, использование термина «царь» на Руси, как и всякого другого слова, имело глубокий символизм и несло тайный, сокровенный смысл, заложенный изначально. При соотношении термина «царь» применительно к правителям Византии, Германского государства и Орды, в предположении, что оно имело одинаковый смысл, возникает совершенно неразрешимое противоречие. В чем же оно заключалось?

Для начала необходимо представить, как виделся окружающий мир для средневекового русского интеллектуала-книжника, вскормленного и вспоенного на византийской традиции, воспринятой и переваренной на Руси с Крещением⁸. Изучая и многократно перечитывая византийские тексты⁹, русские книжники неизбежно должны были проникнуться византийским восприятием окружающей действительности, в том числе и политической. Приняв в IX в. византийское православие, русичи неизбежно должны были принять вместе с ним византийскую религиозно-политическую доктрину, причем целиком, не отбрасывая ни единой ее части¹⁰.

В этой доктрине основной была идея универсализма. «Великая мечта византийской цивилизации рисовала универсальное – охватывающее весь мир -христианское общество, – писал прот. Иоанн (Мейендорф), – административно управляемое императором и духовно руководимое Церковью»¹¹. Это убеждение было настолько сильно, что даже накануне гибели византийцы продолжали считать, что христианский универсализм немислим без универсализма политического. В письме великому московскому князю Василию I константинопольский патриарх Антоний IV однозначно и недвусмысленно заявил: «Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь империи; ибо Церковь и империя образуют великое единство и сообщество; никак им невозможно обособиться друг от друга»¹².

В свете этой концепции византийский император, βασιλεύς, был не просто земным правителем, государем, каких было много на земле. Василеве выступал как «избранник Господа», Его посланник, заместитель (ύπαρχος), исполнитель божественных предначертаний. «Бог – Пантократор ("Вседержитель") – глава и небесного и земного порядка, император – космократор – властитель в земных делах», – так характеризовал ГЛ. Курбатов главную идею византийской политической доктрины¹³.

Второй главной идеей византийской политической доктрины, существовавшей в теснейшей связке с предыдущей, была идея христианской империи – государства христиан и для христиан. В византийской идеологии не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие античное понимание империи как единственного «мира», обжитой вселенной (όίχουμένη), населенной людьми, за пределами которой есть лишь мир «потусторонний», населенный «нелюдьми»¹⁴. Поэтому вполне естественным было восприятие византийскими книжниками и философами империи как не обычного государства, а как универсального дополнения универсальной Церкви, не просто Imperium Romanum Christianum, а империи христианской, богохранимой, исполнительницы божественных предначертаний и «Града земного» – земного подобия «Града небесного»¹⁵. Отсюда и ярко выраженные представления о богоизбранности империи и самих византийцев, о Константинополе как Новом Иерусалиме, а империи – как о Новом Израиле. «Соответственно, – писал

ГЛ. Курбатов, – византийский император рассматривался как глава не только глава государства христиан, но и всей христианской ойкумены, защитник христианского населения и за ее пределами, во всем мире...»¹⁶.

Наконец, третий компонент византийской религиозно-политической доктрины – представления о *ταῖς*; (мировом порядке) и *οἰκονομία* (устройстве мирового порядка наилучшим образом), в которых небесный порядок признавался образцом для порядка земного, а византийское государственное устройство – наиболее приближенным к небесному и, следовательно, близким к идеалу. Верховная власть и император как персональное ее олицетворение, являясь частью этого идеального мирового порядка, несли огромную ответственность за его сохранение и поддержание. Одним словом, византийский религиозно-политический идеал мирового порядка коротко можно охарактеризовать словами одного из крупнейших русских византинистов А.А. Васильева: «Единое государство, единый закон и единая церковь»¹⁷.

Учитывая тот факт, что Русь, став после крещения 988/989 гг. частью «Византийского содружества наций», *Rex orthodoxa*, «неким сообществом стран и народов с внутренней структурой, системными связями, определившими как его религиозное и культурное, так и политическое единство во главе с императором Константинополя»¹⁸, средневековые русские книжники неизбежно должны были рассматривать мир через призму византийских религиозно-политических идей.

Отсюда возникает вполне закономерный вопрос – если Церковь и империя, а следовательно, и император, василевс, могли быть только в единственном числе – Бог един, хотя и в трех лицах, и на земле, в обитаемой Вселенной, в *οἰκουμένη*, не может быть больше одного василевса, то как же русские книжники могли называть правителей Германии и Орды «царями»? Они ни в коем случае не могли вкладывать в этот термин тот смысл, который вкладывался ими при титуловании правителя Византийского государства. Разве можно сравнивать, ставить на одну доску, ставить знак равенства между православным василевсом, покровителем и защитником единственно верной и правильной Церкви¹⁹, «царя» латинского, еретика и врага истинного христианства²⁰. Тем более это относилось к «царю» татарскому, особенно с тех пор, как он принял «басурманскую» «поганую» веру. Возникает именно то неразрешимое противоречие, о котором мы говорили ранее. Связано оно, очевидно, с тем явлением, о котором писал И.Н. Данилевский, отмечавший, что из-за отсутствия на Руси развитой богословской и схоластической традиций «большинство понятий, скрывающихся за терминами и фразеологизмами русских источников, остались невербализованными современниками»²¹. Мы не можем представить себе, какой именно смысл вкладывали средневековые русские книжники, когда именовали императором германского «цесаря» и ордынского хана. На наш взгляд, из этого противоречия можно предложить два варианта выхода. Во-первых, сточки зрения русских интеллектуалов, в именовании этих правителей «царями» не было ничего страшного, поскольку оба они явно находились вне пределов той самой православной *οἰκουμένη*, а потому они могли быть противопоставлены истинному византийскому царю так же, как Антихрист Христу. Во-вторых, в византийской «табели о рангах», помимо титула василевса, высшего из земных титулов и званий, был также и титул кесаря, высший титул, который жаловался обычно членам императорской

фамилии или потенциальным наследникам престола. Такой царь-кесарь, по определению, стоял на ступеньку (а с конца XI в. и того больше) ниже василевса, и употребление этого термина по отношению к правителям «латинского» Запада или Орды было совершенно безопасно и не нарушало установленного Богом порядка.

1. *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков // *Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства.* СПб., 2002. С. 159.
2. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 308.
3. Ин 1: 1–3.
4. Как сказано в Писании, «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт 2: 19).
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. С. 308.
6. *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. С. 163.
7. *Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 116, 268 и др.; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. М., 1998. С. 13 и др.
8. *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. С. 5–6.
9. Как отмечал Ю.М. Лотман, «"чтение" в средневековом значении – это не количественное накопление прочитанных текстов, а углубление в одно, многократное и повторное его переживание. Именно таким путем совершается восхождение отчасти (текста) к целому (истине)» (*Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. С. 161).
10. *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 471.
11. *Прот. Иоанн (Мейвндорф).* Византийское богословие. Минск, 2001. С. 301.
12. Цит. по: *прот. Иоанн (Мейендорф).* Византийское богословие. Минск, 2001. С. 303.
13. *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 44.
14. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина? М., 2003. С. 23.
15. *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. С. 45.
16. Там же. С. 45–46.
17. *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998. С. 213–214.
18. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.), СПб., 2000. С. 338.
19. Как писал патриарх Фотий в «Похвальном слове христороубивому владыке Василию» (императору Василию I):
*Ей, царю непобедимый,
Око мира, свет вселенский,
Всех владык хвала и слава,*

Всех царей краса и диво!

(Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969. С. 40).

20. Один из наиболее почитаемых на Руси святых, св. Феодосии Печерский расценивал «латинскую веру» как «неправильную», нечистую и неустанно требовал воздерживаться от каких-либо контактов с латинянами (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 448).

21 *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 6–7.